

transformation into global cities, the development of the creative class, the transfer of implicit knowledge. Thanks to these advantages, the largest cities with their suburbs become centers of innovative development and continue to concentrate highly qualified personnel. On the basis of statistical data on Germany, the article shows started in mid-2000s concentration of the population in the million-plus cities, the growth of the share of the population in densely populated areas with the reduction of the population, living in sparsely populated areas. The author comes to the conclusion that the increasing role of million-plus cities is an integral characteristic of the current stage of post-industrial society development, so the lack of conditions for their sustainable socio-economic development can cause a slowdown in the economic growth of the country. This fact, however, does not negate the need to implement public policies, aimed at reducing interregional differences in the level of socio-economic development. It is also proposed to supplement the Russian statistics with indicators, reflecting the differentiation of the territories by population density.

Keywords: global cities, million-plus cities, urban agglomerations, innovative economy, urbanization concept, creative class, settlements' system, spatial development strategy, clusters' formation

JEL: R23, R50

Дата поступления — 29.10.2018 г.

КУЗНЕЦОВА Ольга Владимировна

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник;
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук / ул. Вавилова, д. 44, корп. 2, г. Москва,
119333.
e-mail: Kouznetsova_olga@mail.ru

KUZNETSOVA Olga V.

Dr. Sc. (Econ.), Professor, Chief Scientific Researcher;
Federal Research Centre “Informatics and Management”, Russian Academy
of Sciences / 44-2, Vavilova Str., Moscow, 119333.
e-mail: kouznetsova_olga@mail.ru

Для цитирования:

Кузнецова О. Возрастающая роль городов-миллионеров: опыт Германии в контексте российских проблем // Федерализм. 2018. № 4. С. 37–50.

Людмила ИВАНОВА, Елена СОКОЛОВСКАЯ

**СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Предлагаемая статья рассматривает значимые современные концепты социально-этических основ модернизации российской экономики. Успех модернизации во многом зависит от того, насколько согласованно осуществляются трансформации в экономике, с одной стороны, в социуме — с другой. Существующая система ценностей, особенности российской ментальности и особенности текущего этапа модернизации порождают ряд моментов, недостаточное внимание к которым, ограничивает возможности реализации принимаемых программ и стратегий. Наблюдаемое сегодня снижение качества жизни населения негативно влияет на социальное самочувствие и влечет за собой ухудшение социально-этических условий модернизации. Все возрастающая конфликтность и в отдельных случаях настроения конфронтации требуют этизации рыночных трансформаций. В условиях, когда российское общество характеризуется экономическим детерминизмом, система регулирования российской экономики и российского общества в целом требуют определенной нравственной переориентации. Необходимой предпосылкой модернизации является достижение социального мира. Решение этой задачи, помимо прочего, предполагает всемерную муниципализацию общественной жизни, сопряженную с процессом самоорганизации местных сообществ, включение в систему этических установок российского общества таких ценностей, как солидарность, соучастие, самоорганизация и самоуправление.

Ключевые слова: модернизация, самоорганизация местных сообществ, социально-этические основы модернизации, экономический детерминизм, экономическая этика

JEL: A13, H19, I31, O18, Z13

Экономическая модернизация за счет внутренних источников развития представляет собой важнейшую стратегическую задачу современной России. При этом возможности и перспективы российской экономики детерминированы нелинейно и находятся под воздействием в том числе и ценностно-институциональных факторов. А значит, выстраивание комплекса мер экономической политики, направленной на преодоление негативных трендов развития страны, требует учета социально-этических и социокультурных аспектов проводимых транс-

формаций. Современное российское общество нуждается в выработке системы нравственных ограничений (императивов), направленных на снижение социальных издержек экономической деятельности. По сути, речь идет об экономической этике, формирующей ориентиры и обосновывающей гуманитарные принципы экономического развития, и в этом смысле экономическая этика может рассматриваться как программа экономического порядка [1].

На сегодняшний день, как подчеркивают эксперты, в России наблюдается *недооценка этических факторов модернизации*. В результате зачастую внедряемые в процессе трансформации институты и институции нарушают этические принципы социальной справедливости, что ведет к таким негативным последствиям, как ослабление стимулов к трудовой деятельности, рост социальной напряженности или социальной апатии в обществе [2]. Формирование эффективной социальной политики, с одной стороны, отвечающей модернизационным задачам, а с другой — необременительной для бюджета, предполагает изучение и целенаправленное воздействие на систему этических норм российского общества. И здесь важную роль может сыграть задействование инструментария, предлагаемого теорией управления трансформацией социально-экономических институтов, регулирующих экономические отношения [3]. Новая социальная политика, основанная на основных постулатах названной теории, должна стать неотъемлемой частью системы мер по стимулированию и обеспечению экономического роста, проведению серьезных институциональных преобразований, обеспечивающих структурные реформы. В противном случае в российском обществе могут усилиться настроения безразличия, бездействия и безответственности, недоверия к действиям и планам властей.

Еще совсем недавно (накануне «Крымской весны») состояние общества оценивалось как недостаточно благополучное. Социологи указывали на то, что российское общество является расколотым, а традиционные расколы (между элитами и массовыми слоями, между западниками и сторонниками «особого пути», между «включёнными» и маргинализированными группами) углубляются и прорастают новыми проявлениями. Раскол в обществе усугубляло расколотое индивидуальное сознание, в котором сталкивались европейские и чуждые европейской цивилизации традиции и поведенческие установки, постсоветские и советские ориентиры, правовые и неправовые ценности. Сама социальная ткань социума казалась разорванной, и негативно-критический настрой общества по отношению к своим институтам и к своей повседневности требовал осмысления в контексте кризиса развития [4]. «Крымская весна» и последующие за ней события оказали консолидирующее воздействие на российское общество, что фиксируется и в прессе, и в аналитических исследованиях [5; 6; 7; 8]. Однако подобная консолидация отнюдь не означает достижения общенационального устойчивого консенсуса по всему кругу накопленных в российском обществе проблем. Она скорее говорит об улучшении общественных настроений временного характера. В ка-

честве иллюстрации можно сослаться на данные ВЦИОМ о динамике индекса оценки положения дел в стране за последнее десятилетие (см. рис. 1), которые показывают, что эффект «Крымской весны» сменился серьезным падением оценочных индексов в 2016 г., затем последовал их постепенный рост, длившийся вплоть до декабря 2017 г., после чего наметилась тенденция к ухудшению социального самочувствия, прервавшаяся только один раз в марте 2018 г. (очевидно, в связи с выборами президента). Аналитики ВЦИОМ связывают снижение оценочных индексов¹ в 2018 г. с усилением общественного запроса на более динамичный экономический рост, в то время как реальное положение дел в стране не оправдывает позитивных ожиданий населения, доходы которого в лучшем случае остаются на прежнем уровне [9].

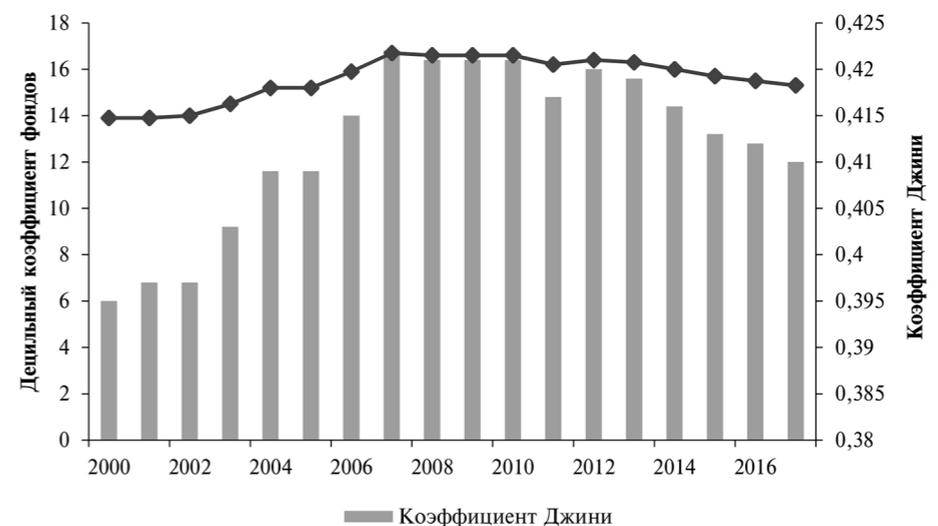

Рис. 1. Динамика индекса оценки положения дел в стране в 2009–2018 гг.

Источник: Индексы социального самочувствия. М.: ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 15.08.2018).

В этом контексте модернизация экономики начинает выступать как чрезвычайно сложная и многоаспектная задача, решение которой связано с достижением консенсуса по большинству актуальных вопросов среди основных социальных групп, включая представителей правительства, элиты, культурного сообщества. По поводу того, что российским властям следует более серьезно отнестись к социально-этическим аспектам модернизации, не вызывающим отторжения у граждан, а пользующимся доверием у большинства населения, ведущие российские экономисты высказывались уже давно [10]. В то же время задача выработки этических норм никогда не является прерогативой исключительно власти. И в этом смысле представляется, что изменение отношения

¹ Индексы рассчитываются ВЦИОМ как разница суммы положительных и средних оценок и суммы отрицательных оценок: $Jч = S$ положительных и средних оценок — S отрицательных оценок. — М.: ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 17.08.2018).

и власти, и общества к социально-этическим аспектам модернизации во многом сопряжено с преодолением экономического детерминизма, свойственного российскому общественному сознанию.

***Экономический детерминизм как специфическая черта
российского общественного сознания***

Мысль об излишнем «экономизме» общественного сознания высказывал еще Н.А. Бердяев. По его словам, «наша историческая эпоха окрашена в цвет экономизма. На всем лежит печать экономизма, экономизм придавил высшую жизнь. Никогда еще не сознавалось так значение хозяйства в человеческой жизни, никогда еще человек не ощущал такой зависимости от экономики, никогда еще не ставилась так высоко экономическая производительность и не превращалась в столь самодовлеющую цель. Не случайно в нашу эпоху была создана теория экономического материализма. Эта теория лишь отражала состояние европейского общества. Духовная жизнь человека попала в рабство к жизни материальной» [11]. Несмотря на то, что со времени этого высказывания прошло почти сто лет, в России отношение к ценностно-институциональным проблемам экономики и методам их оценки пока не претерпело существенных изменений. Наблюдается тот же углубляющийся разрыв между экономическим ростом и социальным развитием. Существующий разрыв в конечном итоге разрушает саму социальную основу экономического роста, создает труднопреодолимые препятствия для формирования общественного консенсуса относительно идеи модернизации национальной экономики, ее приоритетных направлений, движущих сил, темпов и издержек.

Концептуальный подход к изучению социальной действительности, согласно которому общественная жизнь определяется прежде всего экономическими и производственными факторами, или, иначе, экономический детерминизм, не является чем-то сугубо российским. Помимо марксистов на позициях экономического детерминизма находились М. Вебер, Ф. Бродель, В. Леонтьев, Д. Белл, Э. Тоффлер и многие другие известные ученые. Однако особенность российского общественного и политического сознания заключается в том, что идеи экономического детерминизма по умолчанию разделяются большинством российского общества. Эта не всегда осознаваемая укорененность в общественном сознании мысли о вторичности социального по сравнению с экономическим во многом обусловлена особенностями российской истории.

Как известно, Россия относится к странам догоняющей модернизации [12]. Представление о том, что начиная с Петра I Россия пытается догнать страны Запада и встать с ними в один ряд в технологическом, экономическом, политическом, административном и культурном развитии, является частью нашего культурного кода. Идея о необходимости преодоления разрыва между Россией и странами — лидерами современного мира, разделяемая обществом и властью, сформировала и специфический тип этики — *этики догоняющей модернизации* [13].

Согласно данной этической установке, категория «модернизация» нейтральна по отношению к понятиям добра и зла. Если понимаемая таким образом модернизация эффективна, т.е. ее цели адекватно поставлены и достигнуты, то задача этической оценки целей и средств их достижения не актуальна. Само по себе преодоление отставания (зачастую мифического) расценивается большей частью российского общества как глубоко нравственная задача. Такое отношение к модернизации характерно для всей новой и новейшей истории России [14, с. 14–26].

Укорененность экономического детерминизма в общественном сознании проявляется в том, что, во-первых, общество в основной своей массе готово смириться с лишениями во имя будущего процветания; во-вторых, общество в основной своей массе признает, что государство в интересах общественного прогресса имеет право принимать решения относительно модернизационной стратегии, а также способов ее реализации. В известном смысле это оправдано: догоняющая модернизация предполагает, что двигаться надо быстро и что время, необходимое для согласования интересов и выработки консенсуса, а также поиска наиболее гуманных форм и методов мобилизации ресурсов, ограничено.

Однако данный вполне рациональный выбор общества, разделяющего идею «догнать и встать в один ряд», приводит к нескольким весьма серьезным последствиям. Пытаясь ускорить развитие и делегируя власти право принимать «модернизационные» решения, общество становится более инфантильным и менее склонным как к анализу реалий, так и к осуществлению конструктивных действий, корректирующих эту реальность и зачастую идущих в разрез с заявлениями власти. В итоге мы получаем, с одной стороны, так называемую консервативную, или, иначе, *инструментальную модернизацию*, которая не предполагает «обязательной рационализации и гармоничного сведения воедино политических, административных, социальных и культурных факторов» [13], а с другой — *инфантильное общество*, склонное игнорировать необходимость самоорганизации и самоуправления.

Общественный инфантилизм вовсе не означает, что общество готово терпеть до бесконечности. Скорее здесь речь идет о том, что инфантильное общество все сложности социально-экономического развития склонно рассматривать как результат ошибок в экономической политике или непрофессиональных, а иногда возможно и злонамеренных действий власти, которая не оправдывает общественных ожиданий. Инфантильное общество относится к государству как к чему-то внешнему по отношению к обществу, а действия властей оцениваются обществом с позиции *критической отстраненности*. Тот факт, что российская экономика обладает рядом весьма важных системных характеристик, повышающих сравнительные издержки хозяйственной деятельности и управления (природно-климатические, географические и демографические факторы), и то, что реальная ситуация в экономике всегда является производной от множества не только внутренних (к которым

относится, безусловно, и экономическая политика, и качество элит), но и внешних факторов (в том числе агрессивной экономической политики других государств и транснациональных компаний), общество в основной своей массе склонно игнорировать. В общественном сознании все упрощается и понимается как заданное некими простыми и расхожими параметрами. Мысль о невероятной сложности социально-экономической системы и множественности возможных траекторий развития отторгается: инфантильное общество склонно считать, что все или почти все предопределено и зависит только от того, кто находится у власти: либералы или, условно, «тоталитаристы» (коммунисты, государственники, путинисты и т.д.). Инфантильное общество склонно не столько рефлексировать, сколько оценивать. И эта оценка осуществляется также в логике инструментальной модернизации и соответствующих этических воззрений, основным содержанием которых является патернализм, гражданская пассивность и безответственность людей как за свои поступки, так и за коллективные действия (оборотная сторона инструментальной модернизации), когда общество не хочет и не умеет (или не может) пользоваться плодами свободы, склонно «избегать рисков и ответственной самостоятельности, соглашается на урезанные права и жизненные возможности, умеренную состоятельность и неумеренную авторитарную власть» [14].

Альтернативой инфантильному обществу является *зрелое общество*. Но что такое зрелое общество? Авторы, специализирующиеся на изучении данного вопроса, говорят о том, что классическая философия и политэкономия не оставили на него ответа, а лишь предложили некий разрозненный набор критериев отнесения общества к категории зрелого. Зрелое общество — это скорее некий идеал, в направлении которого общество должно двигаться, никогда его не достигая [15]. Зрелое общество (как, впрочем, и инфантильное) — это в какой-то степени фигуры речи, отражающие крайние состояния социума. Любое реальное общество находится в промежутке между этими двумя полюсами. Однако все эти рассуждения являются достаточно умозрительными, в то время как вполне практические задачи общественного бытия требуют определиться с тем, какое же общество на данном этапе общественной эволюции можно рассматривать как зрелое. В известном смысле можно согласиться, что зрелое общество — это прежде всего общество зрелых индивидов, т.е. людей, осознающих особенности данного этапа развития, (осознающих кризис нашего времени — по Ю.В. Олейникову), относящихся к человеку как к цели, а не средству достижения неких целей. Людей, готовых ради будущего человечества делать все необходимое для обеспечения оптимальных условий физического, психического, интеллектуального, нравственного и в целом социального развития — развития зрелого человека как субъекта зрелого общества и зрелого бытия как социальной формы движения материи [16]. Однако подобная трактовка приводит к вопросу о различном видении будущего человечества, один из вариантов которого предполагает желание жертвовать сегодняшним во имя будущего. И поэтому, хотя сама мысль о том, что представитель зрелого общества должен осознавать особенности текущего

периода, а также его исторический и глобальный контекст, является очень плодотворной, применительно к задачам данного исследования хочется предложить более простую трактовку зрелого общества. Зрелое общество — это *общество, способное к ответственному недеструктивному солидарному саморазвитию*.

Из всего вышесказанного вытекает логичный вопрос: является ли российское общество инфантильным или, наоборот, зрелым? Ответить на него чрезвычайно сложно, поскольку это требует специальных исследований. В то же время некоторые контуры общественных настроений можно очертить, опираясь на литературные источники, прессу, публикации, информацию, размещаемую в социальных сетях.

В целом можно предположить, что, пережив несколько саморазрушений, российское общество уже само по себе является достаточно зрелым, хотя в силу различных исторических особенностей формирования, а также традиций догоняющей модернизации его отдельным слоям (или даже, скорее, группам) присущ некоторый инфантилизм. И этот инфантилизм отдельных социальных групп — в реальности, возможно, достаточно узких — может быть опасен в силу того, что он порождает *специфические этические установки деструктивной направленности*, которые при определенных условиях могут распространяться и на более широкие общественные совокупности. В таком случае для значительной части общества оценка действительности начинает осуществляться на базе этих, во многом чуждых основной массе российского населения, этических установок. Но различные этические установки порождают и *различные типы общественного поведения*. Именно поэтому анализ этических установок, получивших наибольшее распространение в общественной среде, очень важен с точки зрения понимания социально-этических условий модернизации. Например, в социологической литературе выделяют этику убеждений и этику ответственности, с одной стороны, противопоставляя их, а с другой — отражая их взаимосвязь [17]. По аналогии применительно к российскому общественному сознанию можно говорить о двух типах этики: этике веры и этике знаний. Инфантильная часть российского общества становится носителем этики убеждений (веры) в ущерб этике ответственности и знаний относительно того, как это общество устроено, каков его реальный экономический базис, как формируется и функционирует институциональная структура общества. В результате в российском общественном сознании присутствует некий *дуализм*, обусловленный тем, что значительная часть российского общества, с одной стороны, согласна с расширением властных полномочий государства, а с другой стороны, относится к нему иждивенчески и готова переложить на него всю ответственность за текущее состояние дел. Это создает угрозу вспышек общественной агрессии в контексте завышенных требований к государству и заниженных требований к обществу, когда смена власти начинает трактоваться как панацея на основе искренней веры в то, что новая власть придет и все исправит. В этом смысле к российскому обществу действительно можно предъ-

явить определенные претензии, но еще бóльшие претензии можно предъявить к властным элитам, которым также свойственен определенный инфантилизм, проявляющийся в недостаточном внимании к ряду весьма болезненных для российского общества проблем, игнорирование которых несет в себе угрозу общественной стабильности, необходимой для реализации модернизационных решений.

Две основные зоны напряжения российского социума

Российское общество (как и любое другое общество) может стабильно развиваться только в условиях *поддержания баланса интересов* различных социальных групп. Если баланс интересов нарушается, то рано или поздно это запустит деструктивные процессы в общественном развитии. И так же, как любое другое, российское общество не свободно от целого ряда проблем локального и системного характера. Однако с точки зрения обеспечения условий для поступательного неструктурного развития наиболее актуальными представляются две проблемные зоны. Одна из них в силу специфических особенностей России связана со сферой межконфессиональных и межэтнических отношений, вторая обусловлена сохранением значительного социального неравенства. Дисбаланс внутри каждой из этих зон напряжения *чреват переходом к деструктивному сценарию развития*.

При всей сложности межэтнических и межконфессиональных отношений баланс интересов в данной сфере относительно успешно научились поддерживать, поскольку данным проблемам традиционно уделяется много внимания. В данной области накоплен серьезный позитивный опыт и функционирует целый ряд общественных и государственных институтов, сфокусированных на поддержании межконфессионального и межэтнического мира. Над этими вопросами работают представители духовенства традиционных конфессий, различные общественные организации, Федеральное агентство по делам национальностей, региональные комитеты по национальным вопросам.

С поддержанием устойчивого баланса интересов в сфере социального неравенства — *когда люди имеют неравный доступ* к различным материальным и нематериальным ресурсам, но не имеют возможности собственными силами изменить сложившуюся ситуацию — дело обстоит сложнее. Во-первых, обострение проблемы социальной дифференциации выступает как глобальная тенденция [18]; во-вторых, отечественные практики эффективного решения подобных проблем в условиях рыночной экономики пока не наработаны. Еще в начале 2000-х гг. академик Д.С. Львов писал, что экономические реформы и сложившаяся система регулирования экономической деятельности привели к возникновению и параллельному существованию двух России — богатой и бедной. Первая благополучно продвигается по пути создания общества потребления, а вторая в условиях углубляющегося расслоения по уровню доходов сталкивается с рядом острых и трудно решаемых социальных и экономических проблем, которые

ведут к обострению социально-психологического стресса у этой части населения страны [19]. В настоящее время эксперты продолжают указывать на актуальность проблемы социального неравенства, а также на недостаточное внимание к этой проблеме со стороны российских властей [18; 20; 21; 22]. С этим тезисом трудно не согласиться, однако не хотелось бы упрощать ситуацию, поскольку анализ соответствующих статистических показателей демонстрирует, что процессы, протекающие в данной сфере, неоднозначны и имеют как минимум два аспекта. Один из них — это реальные показатели социального неравенства и их динамика. Второй аспект — это отношение самого общества к социально-экономическому неравенству.

Действительно, в 2016–2017 гг. произошло снижение реальных денежных доходов населения, что не могло не привести к росту численности лиц, живущих за чертой бедности. Если на предыдущем этапе России удалось добиться существенного снижения абсолютного и относительного показателя бедности (в 2000 г. численность лиц, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, составляла 42,3 млн чел., или 29% населения, а в 2012 г. — 15,4 млн чел., или 10,7% населения), то начиная с 2013 г. данные показатели опять стали расти: численность лиц, живущих за чертой бедности, в 2017 г. составила 19,3 млн чел., или 13,2% населения [23]. Все это является тревожным сигналом как с точки зрения сокращения совокупного спроса, так и с позиции угрозы социальной стабильности. Но нельзя игнорировать и тот факт, что снижению реальных денежных доходов населения предшествовал продолжительный период их роста, хотя его темпы и замедлялись (см. табл. 1). Нельзя не заметить и некоторого сокращения дифференциации по доходам, которые произошли в последние годы. Если в 2000–2007 гг. дифференциация денежных доходов населения постоянно росла, о чем свидетельствует динамика коэффициента фондов и коэффициента Джини, то в 2007–2010 гг. она стабилизировалась, а с 2013 г. стала медленно, но устойчиво снижаться (см. рис. 2). Кроме того, хотелось бы обратить внимание на то обстоятельство, что, хотя дифференциация по доходам в России намного выше, чем в большинстве развитых стран, она вполне сопоставима с дифференциацией по доходам в США и Китае — странами, где в структуре экономики велика доля крупного капитала [24].

Т а б л и ц а 1

Реальные денежные доходы населения

	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016	2017
Реальные денежные доходы населения, среднегодовые темпы роста, % предыдущему периоду	9,6	4,7	1,1	-5,8	-1,7

Источник: Российский статистический ежегодник. М.: ФСГС, 2017. С. 50; Реальные располагаемые денежные доходы населения. ФСГС. Оперативные данные. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 29.08.2018).

Рис. 2. Динамика децильного коэффициента фондов и коэффициента Джини в России в 2000–2017 гг.

Источник: Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#

Отношение российского общества к проблематике неравенства также является неоднозначным. С одной стороны, социологические исследования показывают, что отношение к бедным в российском обществе является сочувственным, но в целом выстраивается исходя не из факта бедности, а из особенностей ее индивидуальных причин (асоциальное поведение, алкоголизм и т.д.). Иначе говоря, наличие бедных и рост уровня бедности пока не вызывает в российском обществе серьезного беспокойства. С другой стороны, российское общество намного более тревожно реагирует на проблему социального неравенства, которая в представлении россиян является не индивидуальной, а *социальной проблемой*, угрожающей завести страну в тупик. В то же время, как показывают исследования, в основной своей массе россияне готовы жить в обществе с достаточно глубокой степенью материального неравенства, но при условии, что они будут иметь возможность пользоваться социальными лифтами, а также иметь доступ к качественному медицинскому обслуживанию и образованию. При этом ответственность за решение проблемы социального неравенства российское общество склонно возлагать исключительно на государство, которое должно обеспечить эффективное перераспределение через повышение налогов на доходы, состояние и капитал. Между тем, как подчеркивают эксперты, проблема социального неравенства не имеет простых решений, в частности потому, что в реаль-

ности у современного государства не так много возможностей повлиять на положение дел в данной сфере [18].

Совершенно очевидно, что проблемы бедности и социального неравенства (хотя и являются достаточно болезненными для российского общества) до последнего времени были не критичны с точки зрения общественного спокойствия и общего удовлетворения жизнью. Об этом, в частности, свидетельствуют данные рейтинга *World Happiness Report*, который составляется в рамках исследовательского проекта международной программы «Сеть решений устойчивого развития» при ООН². Анализ материалов рейтинга показывает, что:

- Россия зачастую находится на более выигрышных позициях, чем большинство стран бывшего СССР и некоторых стран бывшего социалистического лагеря;
- несмотря на снижение реальных денежных доходов и рост уровня бедности, рейтинг России в 2013–2017 гг. продолжал расти (см. табл. 2);
- в 2018 г. индекс России и ее позиции в рейтинге снизились, что подтверждает ухудшение общественного самочувствия, фиксируемого ВЦИОМ [26], о котором уже упоминалось ранее.

Т а б л и ц а 2

Динамика позиции России в рамках рейтинга стран мира по уровню счастья населения

Год	Количество стран, участвующих в исследовании	Место России в рейтинге	Индекс России
2013	156	68	5,464
2015	158	64	5,716
2016	157	56	5,856
2017	155	49	5,963
2018	156	59	5,810

Источник: Рейтинг стран мира по уровню счастья по версии Организации Объединенных Наций // Гуманитарные технологии. Аналитический портал. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/world-happiness-report/info>

² При составлении рейтинга учитываются различные объективные и субъективные показатели, в том числе: уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, экологическая нагрузка, уровень коррупции и ряд других. При этом основную часть исследования и, соответственно, расчета индекса счастья составляют результаты опросов жителей, оценивающих степень своей удовлетворенности жизнью по специальной шкале. Несмотря на то, что методика расчета индекса, на основе которого строится данный рейтинг, не учитывает этнокультурные особенности обследуемых стран — и в этом смысле индекс счастья оценивается экспертами как недостаточно релевантный, — сам по себе индекс может быть вполне репрезентативен с точки зрения информации о динамике общественных настроений, а также в качестве дополнительной информации для международных сравнений. Рейтинг стран мира по уровню счастья по версии Организации Объединенных Наций // Гуманитарные технологии — интернет-издание информационно-аналитического агентства «Центр гуманитарных технологий». URL: <http://gtmarket.ru/news/2017/03/20/7316> [25].

Все вышесказанное позволяет предположить, что на определенном этапе развития в российском обществе сложилась и существовала в режиме неустойчивого равновесия *сбалансированность интересов различных социальных групп* по поводу социально-экономической дифференциации, но эта сбалансированность далека от реального общественного консенсуса по данному вопросу и может быть легко разрушена под влиянием тех или иных негативных факторов как объективного, так и субъективного свойства. В то же время наличие пусть и неустойчивой сбалансированности может рассматриваться одновременно и как важный этап развития российского социума, и как некий ресурс, который может быть использован для достижения искомого консенсуса. Однако само по себе формирование консенсуса потребует времени и серьезных усилий и со стороны власти, и со стороны общества. В известном смысле снижение остроты проблемы неравенства зависит от степени зрелости российского социума и сопряжено не только и не столько с грамотной отстройкой государством экономических механизмов перераспределения, сколько со стремлением самого общества влиять на ситуацию с социальным неравенством через систему общественных институтов, реализующих программы содействия нуждающимся в тех или иных видах поддержки (информационной, консультационной, связанной с профессиональной подготовкой и переподготовкой и т.д.) [27]. Однако для этого российское общество должно, наконец, преодолеть в себе экономический детерминизм, выражающийся в недооценке широкими массами населения (включая представителей бизнеса) общественной сферы, перекладывании ответственности за состояние общества исключительно на власть, игнорировании возможностей солидарности, соучастия, самоорганизации и самоуправления.

Формирование гражданской нации через муниципализацию общественной жизни как одно из приоритетных направлений консолидации российского общества

Наша страна переживает в настоящее время очень важный период своей истории. Его сложность заключается в том, что после кризисных событий XX в., а также непростого периода начала XXI в., который с определенной долей условности можно назвать восстановительным, она находится на пороге новой стадии своего развития. Восстановительный этап, который начался в 2000 г. и в настоящее время подходит к концу, был невероятно сложным и бурным и имел очень много ипостасей. С сугубо экономической точки зрения в качестве основных вех (или драйверов) данного периода можно рассматривать восстановительный рост, продолжавшийся вплоть до экономического кризиса 2009–2010 гг., экономический кризис 2009–2010 гг., его преодоление и переход в стадию умеренного экономического роста в условиях, когда темпы роста российского ВВП уже близки к потенциальным при имеющихся ресурсах и структуре экономики [28]. С точки зрения состояния общества к важнейшим вехам данного периода можно отнести события на Болотной площади, «Крымскую весну», подготовку

и проведение зимней Олимпиады и чемпионата мира по футболу. Эти события сыграли свою роль, но скорее в психологическом, чем в этическом или институциональном аспектах: общество прошло испытание на прочность и повысило свою самооценку, но эти важные события оказались во многом внешними по отношению к этической системе и институциональной структуре российского общества, которое пока остается достаточно разобщенным и пассивным.

Для того чтобы России изменить траекторию своего развития, ей предстоит совершить *экономический маневр модернизационного свойства*. Но модернизация нужна и российскому социуму. В этом смысле весьма актуальной является идея формирования гражданской нации [29], понимаемой не в этническом, а в социальном смысле, т.е. как *общества, ответственного перед самим собой* (консолидированное гражданское сообщество). Формирование подобного сообщества потребует длительной кропотливой работы по многим направлениям, в том числе и со стороны государства, которое должно, наконец, перейти к более стратегичной социальной политике, а также бизнеса, который должен на деле показать свою социальную ответственность. В этом смысле актуальным фактором общественных преобразований является *развитие и поддержка общественной инициативы на низовом уровне*. Так, например, для России важно накопить критическую массу общественных организаций, реализующих принципы солидарности в рамках профессиональных или предпринимательских добровольных ассоциаций, тем более что соответствующая нормативно-правовая база уже создана (Закон о некоммерческих организациях, Закон о саморегулируемых организациях). В то же время бизнес-ассоциации и профессиональные ассоциации, играя важную роль как в экономике, так и в социуме, реализуют принцип солидарности внутри достаточно гомогенной группы (представители того или иного направления развития бизнеса, той или иной профессии) и в этом смысле не могут оказать серьезного консолидирующего влияния на социум в целом и даже, напротив, могут вступать в конфликт с его интересами. В частности, бизнес-ассоциации могут быть использованы в качестве инструмента выработки и реализации картельных соглашений [30].

Поэтому при всей важности самоорганизации профессиональных и бизнес-сообществ реальная консолидация общества во многом сопряжена с развитием самоорганизации местных сообществ и развитием института местного самоуправления. Особенность данного института в том, что он одновременно является и элементом государства, и элементом общественной жизни. Он присутствует одновременно и в структуре государственного устройства, и в структуре гражданского общества, проникает в обе эти сферы, объединяет их в определенное целое и существенно влияет на развитие как одного, так и другого [31]. В контексте проблемы преодоления разобщенности российского социума, а также снижения социальной напряженности, вызванной социальным и имущественным неравенством, очень важно, что институт местного самоуправления способен реализовать интересы людей, принадлежащих к разным социальным группам, обладающих разным статусом и до-

ходом, но при этом равно заинтересованных в развитии территории своего проживания, в насыщении ее объектами социальной и прочей инфраструктуры, ее благоустройстве и поддержании социального мира.

Однако российское местное самоуправление является одним из тех институтов, важность которых признают все, но которые пока так и не смогли заработать в полную силу. За последние четверть века в России было проведено несколько муниципальных реформ, результаты которых оцениваются как спорные. И по сей день организация эффективного местного самоуправления продолжает оставаться актуальной проблемой [32]. Эксперты подчеркивают, что, несмотря на развитие законодательной базы и накопление практического опыта, местное самоуправление по-прежнему намного ближе к местному административному управлению, чем к институту народовластия. И дело не только в ошибках реформирования или слабости финансовой базы муниципалитетов, что, безусловно, также имеет место. Представляется, что здесь сказываются и слабые традиции самоуправления, и неустойчивость местных сообществ, и недооценка властью социальной основы местного самоуправления [33; 34]. Немаловажным является и тот факт, что гражданское участие в социально-экономических процессах на уровне территории слабо соотносится с системой этических ценностей, разделяемой большинством населения, которое склонно понимать гражданское участие в жизни страны преимущественно в политическом ключе, т.е. как поддержку кандидатов от той или иной политической партии на выборах в федеральные и региональные органы власти. В местном самоуправлении и в особенностях его становления в постсоветской России слишком много пластов, чтобы однозначно обозначить причину его низкой эффективности. Соответственно, и работа по превращению местного самоуправления в реально работающий институт муниципальной демократии должна быть многоплановой и включать меры, направленные на муниципализацию общественной жизни через развитие местных сообществ.

Формирование местного сообщества как активной единицы гражданского общества, способного оказывать позитивное воздействие на управление территорией, — это сложный и длительный процесс. Практика показывает, что активность местных сообществ либо имеет исторические корни и в таком случае соответствующее институциональное оформление, либо обусловлена комплексом факторов, способствующих проявлению активного социального действия (наличие общей цели; обладание информацией о возможности ее достижения; наличие позитивного опыта — своего или чужого — достижения подобных целей; возможность создавать, заимствовать или воспроизводить навыки социальной активности и т.д.). В общем и целом это означает, что местное сообщество представляет собой продукт социального развития населения муниципального образования [31]. Весь набор условий для формирования консолидированных местных сообществ создать искусственно весьма проблематично — и в этом смысле возможности государственной власти ограничены. Но власть может существенно ускорить процесс их формирования, во-первых, создавая соответствующие коммуникаци-

онные площадки, с помощью которых заинтересованные лица могут находить друг друга и вырабатывать общую позицию по тем или иным вопросам, а также взаимодействовать с экспертным сообществом и представителями региональных (муниципальных) властей; и, во-вторых, нарабатывая практики привлечения населения к разработке муниципальных стратегий развития [35].

В настоящее время подобная работа уже ведется в нескольких российских регионах (Санкт-Петербурге, Вологодской и Нижегородской областях, Республике Татарстан), хотя и в очень ограниченных масштабах и пока только по одному направлению, а именно по благоустройству городской среды. В то же время очень важно, что стремление региональных и муниципальных властей привлечь население к разработке проектов благоустройства общественных пространств обусловлено и тем, что это позволяет более эффективно использовать бюджетные средства, и пониманием, что реальное, а не формальное (через механизм общественных слушаний) соучастие населения позволяет снизить уровень напряженности в обществе [36]. Представляется, что распространение позитивных практик соучастия населения в благоустройстве общественных пространств будет формировать условия для постепенной консолидации местных сообществ и повышения их устойчивости, необходимой для решения, возможно, и более широкого круга задач. Очевидно, что на быстрый эффект от этих мер рассчитывать не стоит, что путь к реальному самоуправлению (муниципальной демократии) будет очень длинным, но несомненно одно — институт местного самоуправления необычайно важен с точки зрения социально-этических основ модернизации. И данным институтом необходимо серьезно заниматься, включая и тщательное изучение особенностей его развития в нашей стране, и повышение уровня его финансовой обеспеченности, и целенаправленное формирование соответствующих культурно-этических установок, когда возможность участия в управлении территорией своего проживания начинает рассматриваться как одно из важнейших жизненных условий существования свободной, здоровой и активной личности.

* * *

Экономическая модернизация зависит не только от чисто экономических факторов. Ее успешность во многом обусловлена состоянием российского общества и этических установок представителей власти, бизнеса и населения. Недооценка этических факторов модернизации потенциально ведет к ослаблению социальной базы модернизационных процессов. Пока же в России не просматривается реального общественного консенсуса относительно идеи модернизации национальной экономики, ее приоритетных направлений, движущих сил, темпов и издержек. Движение в сторону достижения подобного консенсуса предполагает преодоление экономического детерминизма, свойственного российскому общественному сознанию, выражающемуся в исторически обусловленной укорененности в нем мысли о вторичности социального по сравнению с экономическим.

С учетом этого полагаем, что институциональная структура российского общества также нуждается в модернизации. Актуальными являются развитие и поддержка общественной инициативы на низовом уровне. Например, для России важно накопить критическую массу общественных организаций, реализующих принципы солидарности в рамках профессиональных или предпринимательских добровольных ассоциаций. Реальная консолидация общества во многом сопряжена и с развитием института местного самоуправления, уникальность которого заключается в способности объединять людей, принадлежащих к разным социальным группам, обладающих разным статусом и доходом, но при этом равно заинтересованных в развитии территории своего проживания, в насыщении ее объектами социальной и прочей инфраструктуры, ее благоустройстве и поддержании социального мира. Работа по превращению местного самоуправления в реально работающий институт муниципальной демократии должна быть многоплановой и включать меры, направленные на муниципализацию общественной жизни через развитие местных сообществ.

Список литературы

1. Куржинова С.А. Роль и значение экономической этики в формировании нравственного порядка в обществе // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-znachenie-ekonomicheskoy-etiki-v-formirovanii-nravstvennogo-poryadka-v-obschestve>
2. Петросян Д., Фаткина Н. Этические принципы в социально-экономической политике России // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 122–132. URL: <http://institutiones.com/general/280-2008-06-19-12-28-10.html>
3. Бондар И.А. Методология трансформации социально-экономических институтов // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 3. С. 182–184. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-transformatsii-sotsialno-ekonomicheskikh-institutov>
4. Семенов И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // Россия реформирующаяся. Вып. 12: Ежегодник. 2013. С. 111–132.
5. Бабкин Н. Нация «Крымской весны». URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2016/03/18/protivostoyanie-na-ukraine-2013-2016/773693-natsiya-krymskoi-vesny>
6. Скоробогатый П. «Крым наш» спустя два года. URL: <http://expert.ru/2016/03/20/kryim/> (дата обращения: 15.07.2018).
7. Воржецов А.Г. Проблемы консолидации современного российского общества. // Власть. 2016. № 7. С. 148–151.
8. Горшков М.К. Российский социум в условиях кризисного развития: контекстный подход // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 5–13.
9. Федоров В. Самарское обозрение: Главный фронт — здесь, а не в Сирии и не на Украине. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=238&uid=9149>
10. Богомолов О. Нравственный фактор социально-экономического прогресса // Вопросы экономики. 2007. № 11. С. 55–62.
11. Бердяев Н.А. Письмо двенадцатое: О хозяйстве // Философия неравенства / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2012. URL: <http://www.vehi.net/berdyayev/neraven/12.html>

12. Суздалева Т.Р., Федоров К.В. «Догоняющая» модель модернизации: теоретические и историографические аспекты // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 5. URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/histarch/russhist/67.html>
13. Согомонов А.Ю. Этика догоняющей модернизации // Неприкосновенный запас. 2010. № 6 (74). С. 269–276. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/so20.html>
14. Согомонов А.Ю. Модернизация и этика // Модернизация. Университет. Прикладная этика. Ведомости. Вып. 37 / под ред. В.И. Бакштановского, В.В. Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2010.
15. Олейников Ю.В. Индикаторы зрелого общества // Философия и общество. 2016. № 1. С. 68–85.
16. Олейников Ю.В. Зрелое общество зрелых людей как социальный идеал человечества // Философия и общество. 2014. № 3. С. 37–48.
17. Давыдов Ю.Н. Этика убеждения и этика ответственности: Макс Вебер и Лев Толстой // Этическая мысль. 2006. Вып. 7. С. 83–110.
18. Комаровский В.С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России // Власть. 2017. № 1. С. 5–11.
19. Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 8. С. 675–697.
20. Эксперты: чтобы решить проблему неравенства, нужно помочь обывателю стать гражданином. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2014/05/30/eksperty-obsudili-prichiny-i-puti-resheniya-problemy-rossijskogo-neravenstva/>
21. Можно ли решить проблему социального неравенства населения России? URL: <http://bujet.ru/article/62634.php>
22. Патология неравенства. URL: <http://expert.ru/2016/12/6/patologiya-neravenstva/>
23. Росстат. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
24. Россия и страны мира. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016.
25. Чепурных М.Н. Индексы счастья: опыт запада, социологический обзор // Теория и практика общественного развития. 2012. № 9. С. 67–69.
26. ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/indeksy_socialnogo_samochuvstviya/ (дата обращения: 17.08.2018).
27. Эксперты: чтобы решить проблему неравенства, нужно помочь обывателю стать гражданином. URL: <https://www.asi.org.ru/news/2014/05/30/eksperty-obsudili-prichiny-i-puti-resheniya-problemy-rossijskogo-neravenstva>
28. Российская экономика в структурном тупике // Независимая газета. 20.11.2017. URL: http://www.ng.ru/economics/2017-11-20/1_7118_economyc.html
29. Цветков О.М. Российская гражданская нация: проблемы укрепления и интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossijskaya-grazhdanskaya-natsiya-problemy-ukrepleniya-i-integratsii>
30. Казун А.П. Пересматривая роль бизнес-ассоциаций в России и на посткоммунистическом пространстве: от групп интересов к защитным организациям // Экономическая социология. 2015. Т. 15. № 3. С. 163–170.
31. Давтян Д.В. Самоорганизации местных сообществ как условие гражданской активности в современной России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». 2018. № 1 (17). URL: http://www.alley-science.ru/sovremennaya_nauka_i_ee_razvitie__1_17___2018/

32. *Мамаев А.В.* Городское самоуправление в России накануне и в период Февральской революции 1917 г. М.: ИстЛит, 2017.

33. *Пясецкая Е. Н.* Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Концепт. 2015. № 09 (сентябрь). URL: <http://e-koncept.ru/2015/15311.htm>

34. *Пясецкая Н.Е.* Местное сообщество как ресурс стратегического планирования развития муниципального образования // Политика, экономика и инновации. 2016. № 6 (8). URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_27346163_19575631.pdf

35. *Одинцова А.В.* Проблемы институционализации стратегического планирования муниципальных образований // Проблемы развития территорий. 2018. № 5. С. 99–109.

36. *Щукин А.* Как вовлечь жителей в проектирование городов // Эксперт. 2018. № 40. С. 70–74.

SOCIO-ETHICAL ASPECTS OF MODERNIZATION OF RUSSIAN ECONOMY

The article considers significant modern concepts of social and ethical basis of modernization of the Russian economy. The success of modernization largely depends on the coordination between transformations in the economy, on the one hand, and in society, on the other hand. The existing system of values, the peculiarities of the Russian mentality and the peculiarities of the current stage of modernization generate some points, insufficient attention to which limits the possibility of implementing adopted programs and strategies. The decrease in the quality of life of the population, observed today, has a negative impact on social well-being and leads to the deterioration of socio-ethical conditions of modernization. The increasing conflicts' situation and in some cases the mood of confrontation call for more ethic market transformations. At the time, when Russian society is characterized with economic determinism, the system of regulation of the Russian economy and the Russian society as a whole requires certain moral reorientation. The achievement of social peace is a necessary prerequisite for the modernization. The solution of this problem, among other items, involves full municipal social life, associated with the process of self-organization of local communities, the inclusion into the system of ethical attitudes of Russian society such values, as solidarity, complicity, self-organization and self-government.

Keywords: modernization, self-organization of local communities, socio-ethical basis of modernization, economic determinism, economic ethics

JEL: A13, H19, I31, O18, Z13

Дата поступления — 25.10.2018 г.

ИВАНОВА Людмила Николаевна

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: iva-lusa@yandex.ru

СОКОЛОВСКАЯ Елена Анатольевна

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра институтов социально-экономического развития;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук / Нахимовский проспект, д. 32, г. Москва, 117218.
e-mail: marsokolovskaya@mail.ru

IVANOVA Lyudmila N.

Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher, Center of the Institutions of Socio-Economic Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218.
e-mail: iva-lusa@yandex.ru

SOKOLOVSKAYA Helena A.

Cand. Sc. (Econ.), Senior Researcher, Center of Institutions of Socio-Economic Development;
Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences / 32, Nakhimovsky Prospect, Moscow, 117218.
e-mail: marsokolovskaya@mail.ru

Для цитирования:

Иванова Л., Соколовская Е. Социально-этические аспекты модернизации российской экономики // Федерализм. 2018. № 4. С. 51–69.